

Два разбойника

А. Дубровский

Прочитаем знаменитую историю о двух разбойниках, распятых вместе со Христом: «Один из повешенных злодеев злословил Его и говорил: если Ты Христос, спаси Себя и нас. Другой же, напротив, унимал его и говорил: или ты не боишься Бога, когда и сам осужден на то же? И мы осуждены справедливо, потому что достойное по делам нашим приняли, а Он ничего худого не сделал. И сказал Иисусу: помяни меня, Господи, когда приидешь в Царствие Твое! И сказал ему Иисус: истинно говорю тебе, ныне же будешь со Мною в раю» (Лк. 23:39-43).

Так случилось, что на основании этого отрывка в сознании христиан распространились некоторые достаточно сомнительные взгляды на покаяние и даже само спасение – одну из важнейших тем христианства. Эти представления вкратце можно выразить следующим образом. Можно прожить достаточно бестолковую жизнь, и даже преступную, и перед смертью с легкостью покаяться. В словах второго разбойника видят некий аналог «молитвы покаяния», через произнесение которой, по мнению некоторых, и спасается человек. Другие люди, обычно нехристиане, справедливо недоумевают, слыша такие рассуждения. В их глазах спасение оказывается слишком «легким» и несерьезным, когда они смотрят на него через призму такого восприятия данного отрывка. А ведь сомнения этих людей далеко не безосновательны!

Причина превратного толкования этого отрывка в том, что мы неправильно понимаем, что это были за «разбойники». В синодальном переводе Евангелия от Луки нас сбивает с толку слово «злодей» (в том же переводе в Евангелиях от Матфея и Марка – «разбойники»). Мы действительно думаем, что это были ужасные люди, чья профессия заключалась в грабеже и убийстве. В переводе В. Н. Кузнецовой употребляется более нейтральное слово «преступник», и, вероятно, это наилучший из возможных вариантов.

Дело в том, что соответствующее греческое слово сложно для перевода. Буквально оно значит «применяющий насилие». Кто были распятые с Иисусом достаточно нетрудно понять, но читать Библию для этого надо внимательнее. «Тогда был в узах некто, по имени Варавва, со своими сообщниками, которые во время мятежа сделали убийство» (Мк. 15:7).

Народ, как известно, потребовал отпустить Варавву. Откуда такая любовь народа к «профессиональному преступнику», к «злодею»? А дело в том, что Варавва и его сообщники были не просто «злодеями». Это были те, чьими именами по всему лицу земли называют улицы и площади! Это были революционеры, народные освободители. Как справедливо замечает Н. Т. Райт, «распинали не грабителей и мошенников, а революционеров».

Итак, мы видим, что Варавву отпустили, но рядом с Иисусом должны были распять не кого иного, как его сообщников, то есть деятелей народно-освободительного движения, направленного против римлян, пользующихся народным сочувствием. Что это меняет?

А меняет это многое. Наш взгляд на распятых с Иисусом как на людей, прожигающих жизнь, сделавших своей профессией и средством добывания хлеба преступление, людей без всяких принципов и т. д. и т. п., весьма несостоятелен. Поэтому и наше глубокомысленное заключение: «Смотрите, можно всю жизнь быть ужасным человеком, а под конец покаяться и оказаться в раю», – просто не соответствует смыслу библейского текста. Возможно, и бывают случаи, когда под конец жизни каются абсолютно конченные люди, вот только ссылаться на это место Писания не надо.

Распятые с Иисусом были людьми не «ужасными», а уж тем более не беспринципными. Это были люди с высокими принципами! Если говорить очень кратко и очень емко, это были люди серьезные. И чрезвычайно важно, что это были люди, серьезно относящиеся к вере Израиля, к Богу Израиля и Его обетованиям. Это были люди религиозные! Потому что для того чтобы в те времена заниматься революционной, народно-освободительной деятельностью, надо было быть именно таким человеком. Разумеется, они заблуждались, а именно, они заблуждались в том, что использовали насилие. Но мысли этих людей воистину были высоко, а вовсе не низко, как нам почему-то кажется.

Все это полностью меняет акценты в понимании процитированного отрывка. Мы-то привыкли думать как? «Оба были ужасными людьми, но один из них покался». А правда заключается в ином. Оба были людьми вовсе не ужасными, достаточно приличными, серьезными, религиозными, думали о высоком, но при этом совершенно по-разному повели себя перед лицом Христа. Из такого понимания можно сделать весьма серьезные выводы, и, похоже, гораздо более правильные и полезные, чем те, которые мы привыкли делать. И сейчас мы займемся именно поиском этих выводов.

Что смущает людей при чтении данной истории (прежде всего при неправильном чтении, о чем мы уже сказали), так это «легкость» спасения, некая его механистичность. Мол, произнес правильные слова – и добро пожаловать в рай! Поэтому картина, возникающая в нашем воображении, когда отъявленный негодяй, проживший всю свою жизнь как негодяй, на смертном одре получает спасение, нас крайне смущает.

А ведь надо сказать, что смущает она нас не зря! Разумеется, мы будем не правы, если станем смущаться от милости Божьей и Его доброты: как известно, одинаковую награду получают пришедшие утром и в конце дня! Но есть смысл смущаться совсем от другого. Есть смысл усомниться в том, что отъявленный негодяй, «всю свою жизнь прожигавший жизнь», действительно сможет покаяться «с легкостью».

Да, мы не можем проникнуть в каждое конкретное сердце, и этого делать не надо. Но и в Библии есть такие слова: «От избытка сердца говорят уста». А какое «сокровище» в своем сердце копит тот, кто свою жизнь прожигает, кто наполняет ее преступлениями, подлостями и т. д.? И пусть не смущает нас распятый разбойник: мы уже выяснили, что в его жизни было просто одно заблуждение, а вовсе не все те ужасы, которые могли бы сделать его искреннее покаяние невозможным.

Легкость спасения смущает людей. Но ведь и сама эта легкость весьма загадочная, я бы сказал, ускользающая: в Новом Завете есть места, говорящие о том, что это вовсе не так легко! Неправильно понимая эту «легкость», понимая ее облегченно, люди впадают во многие заблуждения. И главное заблуждение заключается в том, что они пытаются спасение «заслужить». Они не доверяют этой «легкости», а по сути, они не доверяют благодати Божьей. Но легкость спасения – это легкость Божественная, человек не должен усложнять спасение своими человеческими усилиями.

Усложнить, а значит, «заслужить», спасение человек пытается двумя способами – делами и религией. (Правда, эти два способа могут сливаться в нечто одно – когда религия становится «делами», а дела – «религией».) Эта проблема была актуальной уже на заре христианства. В Новом Завете мы находим чрезвычайно интересные отголоски споров первых христиан на тему «веры и дел». Наиболее яркие – во второй главе Послания Иакова. «...Вера без дел мертва» (Иак. 2:20).

Однако следует помнить, что Иакова нужно читать в широком новозаветном контексте, особенно в сопоставлении с Павлом. Не будем здесь подробно говорить о тех противостояниях, которые были между Павлом и некоторыми силами в Иерусалимской церкви. Однако в связи с процитированными словами из Послания Иакова очень хочется обратить внимание на два стиха из Послания к Евреям: Евр. 6:1, где говорится про обращение от «мертвых дел» и Евр 9:14, где это словосочетание повторяется: «...то кольми паче Кровь Христа, Который Духом Святым принес Себя, непорочного, Богу, очистит совесть нашу от мертвых дел для служения Богу живому и истинному!».

В Послании Иакова говорилось о мертвой вере, здесь – о мертвых делах. Кстати, следует знать, и комментаторы обращают на это внимание, что «мертвые дела» – это, вероятно, вовсе никакие не «грехи». В девятой главе это выражение употребляется в контексте дел закона. Именно дела религии, а в широком смысле – все дела, которыми человек хотел бы оправдаться перед Богом, – это и есть мертвые дела.

Бывает, что евангельских христиан упрекают в том, что они якобы «против добрых дел». Разумеется, это неправда. И Послание Иакова мы вовсе не выбрасываем из канона. Но протестантизм действительно имеет специфическое отличие от прочих течений христианства. Протестантизм – это радикальный акцент на Боге.

Именно поэтому мы не молимся святым. Именно поэтому мы говорим: «Только благодать». Дело в том, что рядом с Богом нельзя поставить никого и ничто. Человек не может ничего прибавить к сделанному Богом, ничего не может прибавить к своему спасению. Человек не может своими добрыми делами сделать свое спасение «более вероятным».

Добрые дела весьма хороши – хотя бы потому, что они не злые дела, ведь последние вполне могут увести человека от Бога: вспомним, что от избытка сердца говорят уста, поэтому очень важно, чтобы сердце и жизнь были наполнены не злом, а добром. Но как только человек впадает в заблуждение относительно того, что его добрые дела якобы могут помочь Богу спасти его, то эти добрые дела моментально становятся мертвыми делами.

Действительно, добро при некоторых условиях может превратиться в зло. То же самое верно и по отношению к религии. Посмотрите на три так называемые авраамические религии – иудаизм, христианство и ислам. Вроде бы, все три имеют

один источник, и источник божественный. Но что происходит с этими религиями! Сколько зла за свою историю породили все три! Поразительно то, что в наше время все еще есть люди, которые свое спасение ищут именно в религии, не понимают, что религия – это занятие человеческое.

Некоторые наши современники похожи на тех современников Христа, которые, слушая о том, что легче верблюду пройти в игольное ушко, чем богатому – в Царство Божье, весьма изумлялись. Считалось, что богатство – знак Божьего благоволения. Если уж богатому трудно спастись, то кому же это возможно? (Одно из тех мест Писания, которые должны поколебать наши представления о «легкости» спасения.) Изумление наших современников почти такое же: если уж религиозному трудно спастись, то кому же это возможно? Действительно, сегодня внешняя религиозность – аналог того знака богоизбранности, каковым было богатство для современников Иисуса. Но эти внешние знаки не имеют смысла.

Очень важно понять, что чрезвычайно критическое отношение в христианском сознании к человеческой религии – не новомодная тенденция. Оно заложено в Библии. Примеров можно было бы приводить много, но сейчас, в контексте нашей темы, приведем лишь один: «Итак, если ты принесешь дар твой к жертвеннику и там вспомнишь, что брат твой имеет что-нибудь против тебя, оставь там дар твой пред жертвенником, и пойди прежде примиришься с братом твоим, и тогда приди и принеси дар твой» (Мф. 5:23-24).

Мы-то привыкли думать, что религия – выше всего! Но Христос полностью разрушает такие представления. Религия вполне может стать самообманом и – еще страшнее! – обманом Бога. Нельзя заниматься религией и быть не в мире с братом. Любые религиозные отправления, а также добрые дела (которые могут быть частью наших религиозных дел), обесцениваются, если нет мира. Но в религии такое случается на каждом шагу. Мы должны понять, что любые склоки, любые обиды и огорчения, которые сопровождают наше служение Богу, становятся сугубым злом. Да, мы все обижаем своих ближних, ссоримся, злимся и т. д., но когда это происходит в контексте служения Богу, это превращается в нечто особо отвратительное.

Ни добрые дела, ни религия не должны стать для нас средством самообмана. Конечно, Бога обмануть нельзя. Так зачем мы обманываем себя? Даже окружающих обмануть трудно. Наша самоправедность – это короткое одеяло, из-под которого, как ни натягивай, все равно вылезет либо хвост, либо уши...

Ненадолго вернемся к двум разбойникам. Ведь вот что интересно – у них была одна религия и одни дела! И они были осуждены одинаково. Пример двух разбойников должен нас учить не тому, что спасение «легко» (в смысле – легковесно и дешево), а тому, что ни религия, ни дела не спасают. Повторяю, они были весьма религиозны, они полагали, что совершают важное служение пред лицом Божиим, они стремились освободить Израиль от язычников!

В чем же разница между ними? Мне кажется, что в словах второго разбойника есть одно ключевое слово: «Или ты не боишься Бога...» В разговоре о спасении ключевое слово всегда Бог. На этом остановимся подробнее. Поговорив о том, что не сулит спасения, надо поговорить и о Том, Кто как раз является источником спасения.

Есть в Библии одно место, где записаны мудрые слова глупой женщины. Речь идет о Книге Иова: «И сказала ему жена его: ты все еще тверд в непорочности твоей! похули Бога и умри. Но он сказал ей: ты говоришь как одна из безумных: неужели доброе мы будем принимать от Бога, а злого не будем принимать? Во всем этом не согрешил Иов устами своими» (Иов. 2:9-10).

Книга Иова – книга не просто о страдании и долготерпении. Это книга о спасении...

В чем мудрость слов «одной из безумных»? Явно не в том, что якобы сразу же за хулой на Бога следует смерть. Но слова эти очень важны и совсем не случайны. Они поразительно органичны в контексте всей книги Иова. Сразу же надо сказать, что «одна из безумных» своими словами провозглашает величайшую истину: эти слова подчеркивают неразрывную связь Бога и жизни.

Вспомним, что в Библии спасение имеет гораздо более широкое значение и богатый смысл, нежели привычное для нас представление о «жизни после смерти» в раю. Сейчас я не буду перечислять все, что означает спасение, но одно словосочетание приведу – «жизнь с избытком» (Ин. 10:10) (в переводе В. Н. Кузнецовой – «жизнь во всей полноте»).

Слова жены Иова напоминают, что источник жизни – Бог. Не хочешь иметь жизнь, не хочешь иметь спасение – похули Бога. Книга Иова – о жизни, и жизни подлинной. У Иова отнимается имущество, отнимаются дети и здоровье. Это очень важные составляющие жизни человека. Потом начинаются длинные речи друзей Иова, но эти речи ничего ему не дают. А потом происходит удивительное – начинает говорить Сам Бог, и что-то начинает происходить. Иов начинает менять свое отношение.

Но что сказал Бог Иову? Кажется, что Он говорит ему вещи странные и несущественные. Как пишется в нашей синодальной Библии в тех аннотациях перед каждой главой, где передается краткое содержание, Бог говорит Иову об «утре, глубинах моря, вратах смерти, хранилищах снега, об узлах Хима и уставах неба, о молниях». Потом начинаются совсем странные слова – «о жизни диких коз, диких ослов и онагров, о павлине, коне, хищных птицах». И завершается Его речь словами о бегемоте и левиафане! И вот, все эти странные слова воистину стали для Иова откровением! Но почему? Что в них было такого важного?

У человека отнимается имущество, дети и здоровье. Но душа его ему оставляется (Иов. 2:6). А ведь «душа» в Ветхом Завете – это жизнь. Жизнь человеку оставляется, но он сидит и скорбит так, как будто именно жизнь свою он и потерял. И это обычная реакция человека в такой ситуации. Обычная, но неправильная!

Повторяю еще раз: книга Иова – о спасении. То есть о жизни, о подлинной жизни, о жизни с избытком (как бы странно это ни звучало, ведь под избытком мы почему-то понимаем не саму «жизнь во всей полноте», как это надо понимать, а то, что, с нашей, человеческой точки зрения, нам полагается «в придачу» к жизни, – и имущество, и здоровье и все остальное). И вырисовывается интересный смысл этой книги: твое имущество, твои дети и даже твое здоровье – это не твоя жизнь.

Мысль потрясающая, очень простая и очень сложная. Сложная, потому что все люди думают совсем иначе. Мы не видим жизни за всем тем, что мы имеем в этой жизни. И если у нас отнять то, что мы имеем, нам кажется, что у нас отняли саму жизнь. Но это не так.

Разумеется, все, что мы имеем в этой жизни, и все, что мы делаем, важно для нас. Потому что это наши отражения, это зеркала, в которых мы видим себя самих. Нам хочется видеть свое отражение. Для нас это некая опора. Но ведь подлинной опорой является Бог. Однако Его нельзя увидеть в зеркалах, в которых отражаемся мы сами. Его дары, Его благословения там можно увидеть. Но в том-то и проблема, что и за дарами и благословениями можно не увидеть Того, Кто их дает. А многие даже верующие люди и не интересуются Тем, Кто дарует благословения: их интересуют только сами дары.

Чтобы увидеть Бога, а равно и свое подлинное бытие (а не бесконечные отражения), нужно взглянуть за зеркала, поверх зеркал...

И Бог говорит с Иовом, как с ребенком, показывая ему Свое творение, показывая, что жизнь шире, она не вписывается в то, что Иов имел. Бог говорит о Себе как о Творце жизни, предлагает ему взглянуть на это творение – по сути, предлагает ему саму жизнь.

Ситуация Иова – это ситуация человека, нуждающегося в спасении. И в этом плане совсем не случайны слова Господа, сказанные ему: «Тогда и Я признаю, что десница твоя может спасти тебя» (Иов. 40:9). В том-то и дело, что ничем человек не может спасти себя. Только Бог – источник спасения, потому что Он источник жизни.

Имущество, дети, здоровье могут быть дарами, но за этими дарами можно не увидеть самой жизни. Это может звучать смешно, но Иову нужно было посмотреть на коня, на павлина, на бегемота, чтобы увидеть Бога! «Я слышал о Тебе слухом уха; теперь же мои глаза видят Тебя...» (Иов. 42:5).

Иову нужно было увидеть жизнь за теми рамками, которыми она для него ограничивалась. Логика такова: Иову нужно было увидеть что-то, что не отражалось в его зеркалах. В этих зеркалах не отражался ни бегемот, ни левиафан... А какое дело человеку до того, что в его зеркалах не отражается? Обычно никакого! Но ведь и Бог в человеческих зеркалах тоже не отражается. И человек не видит Бога! Даже если в своих зеркалах он видит собственную праведность, набожность и т. д.

И саму жизнь, подлинную жизнь, можно не увидеть и за своими делами, в том числе добрыми, и за своей религией...

Важно обратить внимание на то, что именно умение видеть жизнь во всей ее полноте означает умение видеть Бога. Один человек, у которого сложные отношения с Богом, однажды спорил со мной и говорил мне, что жизнь вовсе не красива и творение Божье вовсе не прекрасно: звери едят друг друга, случаются различные землетрясения и т. д. Но в Книге Иова говорится и об этом! Сатана изображается здесь стоящим пред лицом Бога! Иными словами, зло «не отменяется», не выносится за скобки. И сам Иов, как мы уже видели, говорит: «...неужели доброе мы будем принимать от Бога, а злого не будем принимать?» (Иов. 2:10).

А в чем смысл пространного описания левиафана, которым к тому же завершается речь Бога? «Станешь ли забавляться им, как птичкую, и свяжешь ли его для девочек твоих?» (Иов. 40:24). Левиафан – символ неукротимости творения.

В творении, в жизни присутствуют и силы хаотичные, грозные. Но мудрость в том, чтобы принимать все творение, а не только то, что нам в нем нравится. Нам не все может нравиться в жизни, но жизнь шире того, что нам нравится.

Иов до откровения Божьего похож на первого разбойника, а Иов после этого откровения похож на второго разбойника; вспомним: «Или ты не боишься Бога...». Иов воистину убоялся Бога, когда взглянул на Его творение. Иов увидел Бога. Нам кажется, что откровением для Иова должны были бы стать объяснения, почему он страдает. Но откровением является Сам Бог. Мы часто требуем у Бога ответа и объяснения того, что мы видим в своих зеркалах. А Бог нам показывает вещи, которых в наших зеркалах вовсе нет.

И поначалу мы недоумеваем и даже негодуем. Но если мы не будем недоумевать и негодовать, а примем это откровение, то мы увидим Самого Бога. Потому что откровение – это не откровение о чем-то, откровение – это Сам Бог. Когда человек получает это откровение, он не нуждается ни в каких объяснениях. Сам Бог является жизнью с избытком. А как иначе понимать окончание притчи об Иове? Четырнадцать тысяч мелкого скота, шесть тысяч верблюдов, тысяча пар волов, тысяча ослиц, семь сыновей и три дочери (уж не одна ли из безумных родила их?) – это очень тонкий, с юмором, намек на то, что человек действительно обрел жизнь во всей ее полноте, ибо обрел Бога.

Вернемся к делам, к религии и ко всем прочим вещам, которые действительно могут заслонить от нас Бога. Вернемся и к двум разбойникам. Вспомним, что и дела, и религия у них были одинаковы. Но в том-то и дело, что все, что мы делаем в жизни, все, что мы имеем, может или приблизить нас к Богу, или отдалить от Него. Или научить видеть Его, или заслонить Его от нас.

В каждой вещи мы можем выбрать «благословение или проклятие», «жизнь или смерть». На протяжении жизни мы учимся выбирать жизнь. На том месте, где мы находимся, в тех вещах, которые мы имеем, мы должны увидеть Бога. Если Иов смог увидеть Бога через бегемота и левиафана, через павлина и коня, значит, и мы можем увидеть Бога в чем-то вполне обычном, вроде работы.

Не секрет, что работа может стать благословением, а может стать проклятием. Иногда нам не хватает не то что «мудрости», а элементарной разумности, чтобы принять благословение. Если я смотрю на свою работу, как на что-то, от чего нужно поскорее отделаться и «бежать делать добрые дела» или «бежать заниматься религией», то я явно заблуждаюсь. Во всем мире для

евангельских христиан работа – это место служения Богу, и лишь мы, славяне, никак этого не поймем: нам же за работу «деньги платят», а за служение «денег не платят», поэтому к работе мы относимся спустя рукава. Железная логика!

Но и работа – это не моя жизнь. И она может заслонить Бога. Как и церковное служение! Как и любое доброе дело! Как и все, что я имею!

Есть ли какой-то закон, какой-то принцип, какой-то механизм, который позволял бы или помогал бы нам во всем, что мы имеем, во всем, что мы делаем, видеть Бога, выбирать жизнь, избегать проклятия, избегать идолопоклонства, избегать отпадения от благодати? Как делать добрые дела и не превратиться в оправдывающегося добрыми делами? Как заниматься всей нашей религией и всем нашим церковным служением и избежать всех тех опасностей, которые действительно во всем этом нас подстерегают? Как не превратить свое имя, своих детей, свое здоровье, свою работу в то, что заслоняет от нас Бога?

На самом деле, есть принцип, который может нам в этом помочь. Вспомним, что мы говорим о спасении, именно о нем. От чего происходят все человеческие попытки самооправдания, самоспасения? Человеку хочется быть уверенным в том, что спасение у него в руках. Человеку хочется банальных гарантий. Но Библия учит иному.

«...Подобно Царство Небесное купцу, ищущему хороших жемчужин, который, найдя одну драгоценную жемчужину, пошел и продал все, что имел, и купил ее» (Мф. 13:45-46). Эта притча говорит нам о том, что значит «иметь спасение». Если человек ради одной жемчужины продает все, что имеет, то ему уже не на что уповать, разве что на саму эту жемчужину.

Он становится тем, кому негде голову приклонить. Вот он, риск веры. Как сказал один богослов, чтобы поплыть, надо оттолкнуться от дна. Гарантий нет. Но есть Гарант. И есть вера. И именно такая вера – спасающая. Когда нельзя уповать ни на что. Когда легче верблюду пройти в игольное ушко, чем нам, со всей нашей праведностью, в Царство Божье. Перед лицом спасения можно быть только нищим с одной жемчужиной в руке. И даже продать эту жемчужину нельзя, потому что никто не купит...

Вру! Продать можно. Но только за чечевичную похлебку. Об этом говорится в Евр. 12:15-16: «Наблюдайте, чтобы кто не лишился благодати Божией; чтобы какой горький корень, возникнув, не причинил вреда, и чтобы им не осквернились многие; чтобы не было между вами какого блудника или нечестивца, который бы, как Исав, за одну снедь отказался от своего первородства».

Очень важно читать это предложение полностью. На «блудника или нечестивца» мы обращаем внимание, но зачастую забывает о начале предложения, где говорится о потере благодати. Но отпадение от благодати совершается известным образом: «Вы, оправдывающие себя законом, остались без Христа, отпали от благодати...» (Гал. 5:4). Отпасть от благодати можно только в закон, в дела, в религию, в самооправдание, в самоправедность, в самоспасение, в надежду на свою «десницу».

Да, есть принцип, учащий нас, как делать добрые дела и не впасть в самооправдание, как владеть имуществом и не заслонить им Бога, как иметь и одновременно не иметь. Этот принцип и называется благодатью. Описывается он в Библии по-разному. «Так и вы, когда исполните все, повеленное вам, говорите: «мы рабы ничего не стоящие, потому что сделали, что должны были сделать» (Лк. 17:10).

«Я вам сказываю, братия: время уже коротко, так что имеющие жен должны быть, как не имеющие; и плачущие, как не плачущие; и радующиеся, как не радующиеся; и покупающие, как не приобретающие; и пользующиеся миром сим, как не пользующиеся; ибо проходит образ мира сего» (1 Кор. 7:29-31). Этот отрывок может казаться непонятным, но это тоже одно из изложений принципа благодати. Имеющий жемчужину – это не имеющий ничего, кроме Бога.

Назовем это «принципом имеющего как не имеющего». Как бы сложно это нам ни казалось, но у нас нет иного пути: нам обязательно надо научиться «иметь, как не имеющие»... Делать добрые дела и четко понимать, что этим мы не приобретаем себе «ни грамма» спасения. Работать на своих работах, распоряжаться своим имуществом и хорошо помнить, что все это нам не принадлежит... Ибо проходит образ мира сего.

Очень интересно, что этот принцип благодати объединяет самые разные темы и самые разные сферы нашей жизни. И даже на ум приходят самые разные притчи Христа, сказанные, вроде бы, по разным поводам. Кроме уже приведенной притчи о жемчужине, можно назвать притчу о талантах, притчу о неверном управителе с «богатством неправедным». Действительно, если уж мы традиционно для нашей культуры воспринимаем свою работу как «богатство чужое и неправедное», то логично вспомнить и наставление: «...если в чужом не были верны, кто даст вам ваше?» (Лк. 16:12). А ведь в широком смысле все, что мы имеем на этой земле, чужое. Все это не является нашим подлинным богатством. Им является лишь жемчужина. То есть Бог. То есть жизнь. То есть спасение.

В этом же контексте вспоминается и призыв Христа: «Не берите с собою ни золота, ни серебра, ни меди в поясы свои, ни сумы на дорогу, ни двух одежд, ни обуви, ни посоха...» (Мф. 10:9-10). Слова тоже загадочные, но их звучание вполне вписывается в рассматриваемый принцип «имеющего как не имеющего».

Этому принципу можно учиться всю жизнь. Вся наша жизнь в этом смысле – это занимательное наблюдение за верблюдом, проходящим в игольное ушко. Таково спасение. Да, оно легко, хотя какие-то из сказанных выше слов вроде бы имели противоположный смысл. Оно легко, ибо что может быть легче того, что сделали не мы? Это делает Бог, и только Бог. И все, чему нам надо учиться, – это никогда не пытаться в этом деле помочь Богу. (Иначе ведь можно и от благодати отпасть.) И, одновременно с этим, учиться выбирать жизнь, учиться видеть ее, как видят лес за деревьями. Учиться видеть Бога за всеми своими делами, за всем своим именем, за своей работой, за своим служением, за своим здоровьем и т. д.

Я когда-то написал стихотворение:

*Горели костры, и в мерцанье костров
перед криком вторым петуха
я трижды промолвил те несколько слов,
что бременем стали греха.*

*Устам этих слов не вернуть уж назад:
толпою заполнено Лобное место.
Не я виноват, и причиной ареста
не я был... Но все ж Он распят!*

*«Не знаю Его, не из них я, поверь», –
так искренне голос звучал.
И правда тех слов мне открылась теперь:
тогда я Его не знал.*

*Устам этих слов не вернуть уж назад...
И как пережить эту страшную муку?
Я должен быть там... там, по правую руку,
где рядом разбойник распят!*

По преданию, именно по правую руку был «покаявшийся» разбойник.

Еще раз повторим: разбойники делали одни дела и принадлежали к одной религии. Мы не знаем, какой внутренней жизнью жил каждый из них, но, похоже, что разная у них была эта внутренняя жизнь. Вполне возможно, что один из них за всем, что было у него в жизни, видел Бога (и боялся Его), а другой - нет.

В момент распятия Христа рядом были некоторые люди, которые смогли увидеть то, что не смогли увидеть другие. Кроме разбойника, можно вспомнить еще сотника... Пример тоже показательный, потому что последний принадлежал как раз таки к другой религии, и вроде бы совсем не к «правильной», и при этом еще был врагом обоих разбойников, занимавшихся, как мы помним, делом, которое считалось вполне благочестивым.

Из сказанного разные люди могут сделать разные выводы. Но всем нам надо задуматься о себе. Кому-то надо просто изменить свое отношение к тому, что он делает. Кому-то надо что-то перестать делать или, наоборот, начать делать. Кому-то надо оставить свой дар у жертвенника и примириться с братом своим.

Благодать не учит нас тому, что не надо делать добрые дела. Благодать учит нас тому, как надо смотреть на свою жизнь, на Бога, как жить, «имея, как не имея», делать нечто как «раб ничего не стоящий», быть «верным в чужом», принимать жизнь во всей ее полноте, жизнь с избытком!

Алесь Дубровский

Образовательный портал «Слово для Тебя»

<http://www.word4you.ru/publications/14731/>

Источник: gazeta.mirt.ru